

Рыцарь науки

В начале сентября 1994 года мы потеряли Льва Григорьевича Барага. Нелепая случайность вырвала из наших рядов человека, без которого трудно представить себе не только филологический факультет, но и весь Башкирский государственный университет.

В лице Льва Григорьевича ушел из жизни выдающийся ученый, с чьим именем связано одно из плодотворнейших направлений современной фольклористики и этнографии, чьи научные труды по праву принесли их автору мировую известность. Не стало корифея, который при всей необъятной широте интересов к разным областям гуманитарных знаний и чрезмерной занятости всегда оставался открытым для каждого.

Он без остатка отдавал себя людям и любимому делу. И главное, дожив до солидного возраста и будучи окружен искренним уважением всех, кто хоть немного знал его, он всегда сохранял живую непосредственность, юношескую увлеченность и удивительную работоспособность.

Родился Лев Григорьевич Барак в Киеве 13 января 1911 года. Учился в московской школе, закончил литературно-лингвистическое отделение 2-го Московского университета (1931), преподавал литературу в педагогическом техникуме. По завершении аспирантуры МГПИ (кандидат филологических наук, 1938) — работал в Московском, Белорусском, Уральском университетах. Несколько лет напряженного труда в качестве ответственного секретаря отдано журналу «Советская этнография». С 1951 года работал в Башкирском государственном пединституте им. К.А.Тимирязева, затем — в созданном на его базе Башкирском государственном университете.

Основные научные работы Л.Г.Барага по русской литературе посвящены изучению творчества Д.Фонвизина, Д.Мамина-Сибиряка, М.Шолохова. В журналах «Учитель Башкирии» и «Русский язык в башкирской школе» им опубликован большой цикл статей и научно-методических разработок о русских писателях, на несколько десятилетий ставших незаменимыми учебными пособиями для школьных и вузовских преподавателей словесности. Под его редакцией подготовлена и выпущена двухтомная «История башкирской литературы» на русском языке (Уфа, 1963, 1966), в которой ряд разделов написан самим Л.Г.Барагом. Однако наиболее полно и глубоко талант ученого раскрылся, когда он обратился к изучению народной поэзии.

Еще в студенческие годы Л.Г.Барак увлекся идеями своих учителей Б.М. и Ю.М.Соколовых, Н.К.Гудзия, П.Г.Богатырева, а позднее занялся исследованием судеб традиционного фольклора в новых условиях. А возглавив кафедру русской литературы Белорусского университета, Лев Григорьевич организывает ежегодные экспедиции по разным районам республики, непосредственно руководит их работой, которая была прервана войной, а потом возобновлена и продолжена с новой энергией и отдачей. Благодаря его неустанным поискам были открыты новые очаги

бытующей в живом обиходе народной сказочной стихии, накоплены значительные материалы, существенно обогатившие научную базу современного сказковедения. Результаты этих поисков оказались столь плодотворными, что стали как бы завершающим звеном в собирательской и исследовательской деятельности крупнейших фольклористов прошлого П.Чубинского, В.Добровольского, М.Федеровского, А.Сержпутовского, Э.Клиха, Е.Романова, П.Шейна, М.Азадовского и др. — и позволили Л.Г.Барагу составить фундаментальный свод избранных белорусских сказок с обширными комментариями и разысканиями (650 с.) и издать его в Берлине 100-тысячным тиражом на немецком языке (1966—1980), написать и опубликовать монографии «Белорусская сказка: Вопросы изучения национальной самобытности сравнительно с другими восточнославянскими сказками» (Минск, 1969), «Восточнославянские сказки, их взаимосвязи и национальное своеобразие» (Уфа, 1969), выпустить «Систематический указатель сюжетов и мотивов белорусских народных сказок» (Минск, 1978), «Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка» (Л.: Наука, 1979) в соавторстве с И.П.Березовским, К.П.Кабашниковым, Н.А.Новиковым.

Трудам Л.Г.Барага свойственны глубокий интернациональный пафос и неподдельный интерес к межэтническим отношениям в фольклоре. Им осуществлено издание сборников русских сказок и преданий Башкирии (Уфа, 1969, 1975), выполнен типологический анализ пятитомной серии башкирских сказок 18-томного свода «Башкирское народное творчество» на башкирском и четырех томов 12-томного свода на русском языках и — совместно с Н.В.Новиковым — наиболее полное 3-томное академического собрания (ок. 670 текстов) «Народных русских сказок» А.Н.Афанасьева со скрупулезнейшими научными комментариями (М.: Наука, 1984, 1985). Под редакцией и при авторском участии Л.Г.Барага с 1974 г. выходит межвузовский научный сборник «Фольклор народов РСФСР», получивший единодушные одобрительные отклики в отечественной и зарубежной печати.

Особую заслугу Л.Г.Барага отечественная фольклористика усматривает в его многогранной деятельности, направленной на создание серьезной научной базы исследования устного творчества народов Южного Урала в его межнациональных связях и взаимоотношениях. В первую очередь это сопряжено с собиранием и анализом разнovidной русской поэзии нашего региона. Как известно, к основательному изучению ведущих форм устной словесности русских Башкортостана впервые обратилась Н.П.Колпакова. Объединенная экспедиция Ленинградского университета и Башкирского филиала АН СССР под ее руководством обследовала в 1938 году прозаический и песенный фольклор главных горнорудных и горнопромышленных районов республики — Белорецкого и Баймакского. Материалы экспедиции нашли отражение в статьях Н.П.Колпаковой «Рассказы о Пугачеве и Разине» (1940), «Новые записи рабочего фольклора на Южном Урале» (1941) и частично использованы в ее монографиях «Русская народная бытовая песня» (М., Л.: АН СССР, 1962).

Спустя десять лет Башкирский Институт истории языка и литературы при участии кафедры фольклора МГУ организовал экспедицию, которая под руководством Э.В.Померанцевой в 1948 году работала с русским населением в Караидельском, Покровском, Благовещенском, а на следующий год — в Кигинском, Салаватском и Дуванском районах республики. Обобщая результаты этих поездок, Э.В.Померанцева в книге «Русское народное творчество в Башкирии»

(Уфа, 1957) отметила, что фольклор не только сохраняется в памяти народа, но и продолжает полноценную жизнь.

К сожалению, с той поры работа по собиранию русского фольклора вообще и устной прозы в частности в нашей республике была свернута, если не считать нескольких записей отдельных башкирских фольклористов. И возобновилась она в 60-е годы, когда на кафедре русской литературы Башкирского госуниверситета стали проводиться фольклорные экспедиции под руководством Л.Г.Барага. За последующий период самим ученым и его учениками открыты сотни талантливых народных сказочников и записаны многие тысячи единиц текстов русского фольклора.

Стремясь рассматривать изучаемые произведения фольклора в их диалектическом развитии — от ранних видов до современных форм бытования, Л.Г.Бараг постоянно нацеливал свои усилия на то, чтобы обнаружить, какой путь становления проходят они в своем развитии. А это с неизбежностью приводит к необходимости выявления в них общностей или различий, конкретного истолкования и обоснования установленных соотношений, что возможно только при изучении таких связей с позиций правильно выбранной конструктивной методологии. Среди выдвинутых в конце 50-х годов В.М.Жирмунским доминирующих принципов сравнительного исследования исторических явлений (историко-генетический, историко-контактный и историко-типологический), Л.Г.Бараг отдавал предпочтение историко-типологическому. Но коль скоро он имел дело по преимуществу с фольклором особого региона, где в силу ряда объективных причин сложилось длительное и устойчивое соседство разных народов, тем более русских и башкир, пребывающих в постоянном экономическом и культурном общении и взаимодействии, то сходство и общность многих мотивов и образов в разных этнических традициях был склонен объяснять творческим взаимообменом, что обуславливает закономерность применения при их изучении историко-контактного метода. А рядом с типологией контактных связей и, возможно, будучи обусловлена ею, несомненно существует типология возможностей и вероятностей миграции и заимствования фольклорных сюжетов, мотивов и образов.

Л.Г.Бараг живо откликался на все новое и прогрессивное в науке и окружающей действительности, творчески воспринимал любое проявление неординарной человеческой мысли. Не в последнюю очередь именно поэтому ему удалось внести существенный вклад в собирание, систематизацию и исследование разноязычной народной прозы. В его многочисленных публикациях и научных разработках впервые получили целостное освещение принципы отбора и способы воплощения жизненного материала в фольклоре, а также некоторые методико-методологические приемы анализа произведений сказочной и несказочной прозы в сопоставительном плане и единстве их художественной формы и содержания. Так, именно Л.Г.Бараг не только выдвинул, но и убедительно доказал правомочность и научную состоятельность гипотезы, согласно которой основные сюжетные типы башкирских сказок имеют значительно больше соответствий в русском, нежели, скажем, в турецком сказочном эпосе (не говоря уже о сказках таких тюркских народов, как долганы, шорцы, саха-якуты и др.), несмотря на языковое родство с последним. Если подобная близость имеет место в области сказок, то она еще сильнее и рельефнее должна проявляться и действительно проявляется в несказочной прозе двух народов, тем более в легендах, сказаниях и устных рассказах русских и башкирских горнорабочих Южного Урала.

Признанием бесспорного международного авторитета Л.Г.Барага явилось его длительное сотрудничество с редколлегией 60-томной «Энциклопедии сказок», издаваемой в Берлине и Нью-Йорке на немецком и английском языках, в которой он напечатал цикл статей о сказках разных народов мира. Всего им опубликовано более 250 научных работ. Под его руководством только в нашем университете написано и защищено более десяти кандидатских и докторских диссертаций. Достаточно назвать имена его аспирантов Л.И.Брянцевой, А.В.Гарбуза, О.И.Широковой, В.В.Сидорова, В.В.Шмакова и автора этой статьи, а также «неофициальных», но настоящих учеников Льва Григорьевича В.П.Кругляшовой, В.В.Блажеса, И.Е.Карпухина, М.Г.Рахимкулова, М.Х.Мингажетдинова, А.М.Судейманова, Ф.А.Надыршиной, Н.Т.Зарипова, в большинстве своем докторов наук, которые успешно продолжили и дело Л.Г.Барага, чтобы понять, сколь плодотворен был путь, проложенный первопроходцем русско-башкирской фольклористики. Кроме того, под благотворным воздействием и неотразимым обаянием, а также при непосредственной помощи и поддержке Л.Г.Барага состоялись как научные работники и выросли в больших специалистах многие литературоведы республики.

Л.Г.Бараг получил повсеместное признание как один из самых дотошных аналитиков, который даже в слабой работе умудрялся находить некое рациональное зерно. Поэтому его постоянно приглашали в разные города выступать официальным оппонентом на заседаниях специализированных советов по присуждению ученых степеней. Принципиальности профессора можно было только позавидовать. Но это была в высочайшей степени гуманная принципиальность, и даже самые критические его выступления отличались своими конструктивным характером и позитивной направленностью.

Лев Григорьевич был одним из самых деятельных участников многочисленных научных конференций, теоретических семинаров и симпозиумов как у нас в стране, так и за ее пределами. Труды Л.Г.Барага в области фольклористики и литературоведения, его вклад в подготовку квалифицированных специалистов-филологов достойно оценены общественностью и правительством республики: ему присвоено звание заслуженного деятеля науки БАСССР и присуждена Государственная премия имени Салавата Юлаева.

Высокий демократизм был главным жизненным критерием и принципом Учителя. Со своим непередаваемо искренним и душевно-проникновенным возгласом «Друзья мои!», которым Лев Григорьевич неизменно начинал каждую лекцию, своей яркой и вдохновенной речью, в которой было столько же эрудиции, сколько и эмоций, он уже с первой встречи раз и навсегда поражающе и покоряюще так, что этого впечатления, этого заряда бодрости, сообщаемого и возбуждаемого им, — хватало многим на всю жизнь. Естественно, что лекции его собирали полные аудитории. Порой он становился несколько многословен, но это объяснялось обилием переполнявших его мыслей и чувств, которыми он самозабвенно одаривал своих слушателей и которые становились для них твердыми убеждениями и надежными ориентирами в сложном и многообразном мире науки.

Пробуждать безмятежно дремлющее сознание студента было для него превыше и важнее всего. И это ему удавалось как никому другому. А среди тех, у кого он вел семинары и спецкурсы, постоянно старался поддерживать дух творческой состоятельности.

Доминирующей чертой характера Л.Г.Барага было неустанное подвижничество. Быстрота и динамизм — не только в преодолении пространства или расстояний — являлись неизменным проявлением его натуры и всего образа жизни. Именно поэтому он был поразительно молод телом и душой. Его редко можно было видеть размеренно шагающим по коридору или на улице — только если рядом находился собеседник. А так — стремительные передвижения между рядами парт и стульев в аудитории, подобные зигзагам молнии, — как бы в подтверждение фамилии, которая на русский переводится именно так. Студенты помнят его марш-броски по лестничным пролетам и неустойчивый, неостановимый бег-марафон по этажам и переходам учебных корпусов — обычное состояние профессора-непоседы. Действительно, он был, вопреки возрасту, необыкновенно легок на подъем. Будучи на протяжении многих лет заведующим кафедрой, он первым срылся в любую командировку по отдаленным районам республики, используя любую возможность для сбора фольклора. Он не уставал служить науке до 80-летнего возраста, приобщая к неисчерпаемым сокровищам фольклора многие поколения студентов и аспирантов.

И конечно, исколесил он и исходил в своих поисках не только наш Башкортостан. И случалось с ним во время этих нескончаемых «походов» всякое. Еще летом 1941 года, в третий раз выехав со студентами Белорусского университета собирать сказки и песни в Могилевской области, Лев Григорьевич оказался отрезан от тыла внезапным наступлением немцев. Выходя из окружения вместе с нашими разрозненными армейскими группами, попал в партизанский отряд, которым командовал его бывший студент Цецоха (фамилию передаю, как услышал и запомнил от самого Льва Григорьевича), надолго остался там и даже в таких условиях умудрялся находить и записывать прекрасные образы народного творчества.

Он не раз тонул, переходя горные потоки и сплаваясь на плоту по Белой. Однажды Лев Григорьевич оказался оторван от базы наводнением на горной реке, сильно разлившейся из-за долго не прекращавшихся дождей, и, выбирая прямую дорогу к месту расположения основного лагеря, заблудился в лесу и лицом к лицу столкнулся с медведем... В жизни нашего учителя было много приключений, но он никогда не поддавался унынию и не терял присутствия духа.

Люди, подобные Льву Григорьевичу, рождаются крайне редко. Всем своим обликом, нравственными принципами и образом жизни, активным отношением к ней он являл пример беззаветного служения науке и человечеству. В его уникальной личности счастливо сочетались мягкость и корректность с мужеством и бесстрашием Льва, естественность и непосредственность натуры с неисчерпаемостью и самобытностью таланта.

Лев Григорьевич был кладом мудрости, но никогда не использовал свой ум и незаурядные способности для конъюнктурных целей. Он неустанно генерировал глубинные и конструктивные идеи, от него постоянно исходили особенная энергия и душевная теплота, и рядом с ним мы, его коллеги и ученики, обретали удивительное спокойствие и уверенность даже в самые отчаянные и, казалось бы, безнадежные минуты. Он воплощал в себе высочайшую порядочность, справедливость и строгую требовательность прежде всего к себе самому, поэтому был и остается нашей совестью и нашей гордостью.